

Грамматология: шаг за шагом. Часть вторая.

Природа, культура, письмо

Введение в эпоху Руссо

Почему эта эпоха для нас пример, образец? Прежде всего потому, что Руссо занимает в истории логоцентризма важное место между Платоном и Гегелем. Он по-своему формулирует и опорный для западной метафизики мотив наличия, и свои сомнения в его надежности. Сначала в истории философской мысли наличие возникало в форме эйдоса, сущности: затем в форме представления или субстанции, наделенной самосознанием: от Декарта и до Гегеля можно говорить о логосе как голосе и самоналичии (субъективность оказывается в известном смысле синонимом слушания-понимания — *s'entendre parler* — собственной речи). Что же касается Руссо, то у него — своя модель наличия: это самоналичие субъекта в чувстве, чувствующее *coqito*. Редукция письма происходила все время, но лишь Руссо сделал ее темой своих размышлений. Этот путь к Руссо намечает для нас Леви-Стросс, для которого Руссо - подлинный основатель современной этнологии. А попутно встает и вопрос о структурализме, который господствует ныне в западной мысли и тоже претендует на преодоление метафизики и логоцентризма, хотя на самом деле — причем не в мелочах, а в главном — остается в их власти.

Глава первая. Насилие буквы: от Леви-Стросса к Руссо

Нам важно понять, в какой мере принадлежность Руссо да и самого Леви-Стросса к метафизике ограничила их научные результаты. Вот Леви-Стросс радуется структурной аналогии между фонемой и терминами родства: а как можно радоваться этой скудной общности структуральных законов? К тому же Леви-Стросс нечеток в вопросе о природе и культуре. В "Элементарных структурах родства" он кладет различие между природой и культурой в основу рассуждения, а в "Первобытном мышлении" говорит о сведении культуры к природе. Эти колебания в трактовке соотношения природы и культуры свидетельствуют о том, что Леви-Стросс одновременно и сохраняет привычную систему понятий, и ведет деконструктивную работу.

Война имен собственных. Урок письма в "Печальных тропиках" Леви-Стросса - это эпизод этнологической войны, столкновение, с которого начинается общение между народами и культурами. Речь идет о намбиквара, которых этнографы нередко описывали как народ отсталый, агрессивный, жестокий. Однако и они - полноправные представители человеческого рода, так как владеют языком и знают запрещение инцеста. Леви-Стросс традиционно считает этот народ бесписьменным - намбиквара не умеют ни писать, ни рисовать, только чертят волнистые узоры на своих погремушках. Но Деррида с этим заведомо не согласен: всякое общество, которое умеет "стирать имена собственные", т. е. вписывать обозначения в разветвленные системы классификационных различий, уже владеет письмом (как механизмом артикуляции социальной жизни и собственного сознания). Иначе говоря, само выражение "бесписьменное общество" для Деррида бессмысленно.

Леви-Стросс рассказывает нам о том, что индейцы скрывают свои имена, а белые называют их условными кличками. Однажды ему довелось стать свидетелем игры девочек, которые, поссорившись, из мести выдали ему имена друг друга. Этнограф воспользовался ссорой детей и выведал у них имена взрослых, содержащиеся в секрете. Узнав об этом, взрослые наказывают детей, источник информации иссякает, а этнолога мучат стыд и угрызения совести. Все зло идет извне, по-руссоистски восклицает Леви-Стросс: именно иностранец нарушил естественную атмосферу невинной игры, где, несмотря на ссоры детей, царило чувство сопричастности целому.

По Деррида, это суждение Леви-Стросса ошибочно: структура насилия проявляет себя даже в первобытном состоянии, и вовсе не иностранец вносит ее в изначально благое общество. Даже если оставить в стороне реальное насилие в жизни намбиквара, насилием можно считать уже вписывание уникального (имена) в общую систему различий. Однако по сути ничего уникального, собственного никогда и не существовало, а от века начавшаяся работа прото-письма всегда и везде делала любое самоналичие лишь мечтой или фикцией или, иначе, чем-то возможным лишь при условии раздвоения, повторения, записи. А потому леви-строссовское превознесение добродетелей намбиквара столь же неуместно, как и прямо противоположная оценка, явно преувеличивающая их агрессивность, жадность, злобность: это две стороны медали, два варианта единой морализаторской позиции.

Письмо и эксплуатация человека человеком

Урок письма — это урок в Двойном смысле: с одной стороны, научение аборигенов письму, а с другой — урок, извлеченный самим этнологом из этой процедуры. Леви-Стросс приносит туземцам бумагу и карандаши и показывает, как ими пользоваться. Большинство присутствующих только чиркают карандашами по бумаге и вскоре забрасывают непонятное и скучное занятие. Но их вождь более проницателен, он догадывается о властной роли письма: во время процедуры обменов и дарений он притворяется перед своими соплеменниками, будто что-то записывает, а затем проверяет по записям правильность совершаемых операций, подтверждая перед своими соплеменниками свою собственную властную позицию.

Эта история похожа на притчу. Но Деррида не согласен почти ни с чем из того, что Леви-Стросс говорит о письме: так, утверждая, что неолит не знал письма, Леви-Стросс понимает письмо слишком узко; подчеркивая эксплуататорский смысл письма, Леви-Стросс не проводит различий между иерархией и господством и др. Чрезмерно обобщая эмпирические доводы, этнолог на деле остается замкнутым в традициях руссоизма и утопического социализма XIX века; используя какие-то подручные инструменты (марксистские, фрейдистские) и занимаясь, как и индейцы, "самодельщиной", он думает, что строит науку.

Глава вторая. Это опасное восполнение

Порицая письмо, Леви-Стросс неизменно превозносит живую речь, а вот Руссо наряду с похвалами высказывает и сомнения в ее достоинствах. И вообще, Руссо возвеличивал не реальную речь, но лишь такую, каковой она должна была бы быть, но никогда не была и быть не могла. Именно поэтому и потребовалось письмо: ведь оно позволяет восполнить, восстановить то, что ускользнуло от речи. Известный исследователь Руссо Ж. Старобинский считает, что Руссо вынужден писать, чтобы преодолеть непонимание, раскрыть собственные достоинства, показать себя в истинном свете. Не доверяя на слово всем этим объяснениям, Деррида хочет показать нам, что же собственно происходит в процессе письма: в общем, это работа различения, т. е. такой отсрочки и откладывания, без которых невозможно никакое человеческое желание, обреченное на промедление и неутолимость.

От ослепления к восполнению

Итак, мы должны одновременно осмыслить жизнь Руссо, его теорию письма, его письменную практику. Для этого среди всех понятий Руссо Деррида выбирает то, что лучше всего ему подходит, — восполнение (supplement). Так, письмо восполняет нехватки и ограниченности речи, оказываясь одновременно и помощью (добавка к речи), и угрозой (насилие над языком). Два главных значения восполнения — добавка и подмена: они то чередуются, то совмещаются, то допускают вторжение чего-то чуждого извне, то, напротив, предполагают всегда-уже данность чуждого как своего собственного. Наличие (природное, материнское) должно было бы быть самодостаточным;

материнская забота "невосполнима". И все же последующее воспитание восполняет ограниченности природы, оно организует для ребенка, у которого не хватает ни умственных, ни физических сил для жизни, систему подмен, компенсаций, замен-дополнений. Если посмотреть шире, эта система компенсаций и восполнений охватывает всю жизнь общества. Вот человек, увлеченный ботаникой: а все потому, что он не умеет говорить с людьми. А вот другой — он слеп к природным сокровищам, рассыпанным на поверхности земли, и лезет в ее недра ради богатства и роскоши, ослепляя себя — и реально, и символически — долгой подземной работой. Восполнение опасно и "почти непостижимо" для разума.

Руссо использует слово "восполнение" ("это опасное восполнение", говорит он о мучающей его практике онанизма), но не вполне владеет его ресурсами. Как читать его текст, какую истину в нем искать - психоаналитическую, биографическую, метафизическую? И жизнь, и

письмо Руссо принадлежат единой текстовой ткани: можно сказать, что (опасное) восполнение и находится в природе, и не находится в природе — оно вклинивается в природу через расщелину между непорочностью (Руссо не непорочен) и девственностью (Руссо остается девственным). И автоэротическое восполнение, и письмо равно опасны для жизни: письмо разрушает живую речь, онанизм разрушает природные силы, и оба блуждают вдали от природных путей.

Цепочка восполнений

В более широком смысле слова онанизм как опыт необходимого восполнения не ограничивается периодом человеческой незрелости, но становится навязчивым переживанием и скрытой основой всего здания значений. Восполнение не наличествует и не отсутствует, оно не есть воздержание и не есть наслаждение: оно всегда лишь строится и никогда не достраивается — это и есть структура, "почти непостижимая" для разума.

Из круга вон выходящее. Проблема метода

Для разума непостижимо все то, что начинается не с начала, а с середины, с посредника. А потому наша главная задача — построить такую схему, которая позволила бы нам это помыслить. Традиционный комментарий лишь удваивает текст, ничего к нему не добавляя. Другие подходы, которые выводят текст к каким-то внетекстовым реальностям (метафизической, психологической, биографической и пр.), нам тоже не нужны. Выходить нам некуда, ибо внетекстовой реальности вообще не существует — и вовсе не потому, что нас не интересует "реальная" жизнь Руссо или его героев, а потому, что у нас нет иного доступа к этой реальности, кроме текста. Эта "реальная" жизнь всегда оказывается для нас лишь письмом, то есть совокупностью артикуляций между заменами, подменами, восполнениями и компенсациями. Чистого означаемого нет, но существует целый ряд маневров, посредством которых означаемое притворяется означаемым.

Текст Руссо о происхождении языков был выбран фактически ради понятия "восполнение", но обосновать наш выбор мы не можем: он оказывается "из круга вон выходящим" (exhorbitant). Это может также значить: внешний по отношению к логоцентрической эпохе, позволяющий деконструировать ее целостность. Но не преувеличено ли наше внимание к Руссо? Отнюдь: опыт Руссо бесценен, поскольку он указывает нам на главные места артикуляций, узлов связей или различий внутри своей эпохи. Постигая эти связи, мы идем эмпирическим путем, пользуемся ограниченным материалом, не имеем ничего очевидного, начинаем движение там, где случайно оказались, и идем наугад. Мы руководствуемся не методом, а чутьем (или даже "нюхом"), но это может оказаться надежней трансцендентальной интуиции.

Глава третья. Генезис и структура "Опыта о происхождении языков"

Все виды восполнения внеположны для метафизики: ведь наличие, по определению, самодостаточно и не должно ни в чем нуждаться. Тем временем разрастаются добавки, подстановки, замены: речь добавляется к интуиции; письмо добавляется к живой речи; мастурбация — к так называемому нормальному сексуальному опыту; культура - к природе; зло - к невинности; история - к первоначалу и пр. В рамках метафизики или логоцентризма восполнительность невозможна, но мы постараемся помыслить ее и все то, что с ней связано, иначе.

Письмо: зло политическое и зло лингвистическое

В "Опыте" голос противопоставляется письму, как свобода — рабству: устный язык — это собственность всего народа, а письмо уже свидетельствует о рассеивании народа и тем самым — о превращении его в раба. И эта тема — развитие языка как симптом политического и социального упадка — характерна для всего XVIII века.

Вопрос о датировке "Опыта" до сих пор остается нерешенным: можно ли считать эту работу ранней, зрелой, промежуточной? По этому поводу выдвигались различные гипотезы: 1) написание текста растянулось на несколько лет, и некоторые важные главы перерабатывались позже; 2) "Опыт" — это развернутое примечание ко "Второму рассуждению" (1755) (Дерате); 3) между этими работами пролегает резкая грань (Старобинский): в "Опыте" преобладает гоббсовская война всех против всех ("одинокий человек, затерянный на земле"), а во "Втором рассуждении" — сострадание к ближнему как всеобщее свойство человека. Примирить между собой все подходы никак не удастся. Этому мешает трактовка сострадания в главе об образовании южных языков: она требует выбора.

В решении этого вопроса Деррида использует схемы и цепочки восполнения и изъятий: не следует брать понятие сострадания само по себе — нужно поместить его в ряд взаимозаменяемых понятий и соотнести этот ряд с другими понятийными рядами. Для начала напомним, что мысль о сострадании как естественной добродетели человеческого сердца возникает и в "Опыте", но, кроме того, в нем проводится тема воображения как силы, пробуждающей человека к состраданию (а также к совершенствованию) и начинающей тем самым историю человека и культуры. Деррида вычленяет в текстах Руссо два ряда терминов: с одной стороны - животное состояние (потребность, интерес, чувственность); с другой — человеческое состояние (страсть, воображение, речь, свобода, способность к самосовершенствованию). Как мы видим, человека отличают не столько мыслительные способности, сколько воображение, свобода и способность к самосовершенствованию. Все термины внутри рядов могут дополнять и замещать друг друга. При этом воображение выполняет свою особую, восполнительную функцию, однако, пробуждая в человеке скрытые силы, оно может принести и пользу, и вред, так как способно нарушить природное равновесие между желаемым и возможным. Таким образом, именно через опосредующее звено воображения Деррида приходит к выводу о том, что концепция сострадания в главном не меняется от "Опыта" к крупным сочинениям; именно это соображение определяет его позицию в вопросе о датировке "Опыта" (Деррида тут фактически принимает позицию тех участников спора, которые считают, что "Опыт" первоначально был длинным примечанием к "Рассуждению", затем был переписан в качестве ответа Рамо и, наконец, в 1763 году в последний раз переработан с разделением на

главы: см. конец параграфа "Начало спора и построение "Опыта"").

Эстамп и двусмысленности формализма

Руссо считал: сначала была напевная речь и человеческая свобода, потом — нарастание согласных и артикуляций, т. е. катастрофа, которая несет с собой рабство, уничтожение маленького демократического полиса. По Руссо, сущность искусства — естественность, подражание, мимесис. В неодушевленных искусствах внешними средствами воспроизводятся внешние же явления, в живых, одушевленных искусствах (например, в пении) внешнее путем подражания становится выражением внутреннего. Так и эстамп — это искусство, рожденное подражанием (оттиск сохраняет некоторые черты оригинала). Но одно дело подражание как общий принцип искусства, а Другое — разрастание формальных техник подражания. Эту ошибку формализма Руссо видит у Рамо, который стремился вывести музыкальную гармонию из природы, рассчитав ее на основе резонанса звучащего тела. Рамо забыл, что в музыке главное — интонация, мелодия с ее гибкими периодами, а не гармония, которая и сама не способна подражать природе, и мешает мелодии проявить свои способности к подражанию (к тому же гармония в музыке — это явление локальное, европейское или даже североευропейское).

Оборот письма

По Руссо, становление языка имеет свою географию. Языки не развиваются линейно: они совершают обороты и ритмически повторяют природные процессы. Языки рождаются на юге, скорее от "страсти", чем от "потребности", и потому южные языки, в отличие от северных, более живые, чистые, одухотворенные. Однако абсолютного различия между южными и северными языками нет: в страсти есть потребность, а в потребности есть страсть, а потому в каждом языке есть и то, и другое. А вот письмо уж точно рождается на севере; холодное, скудное, рассудочное — оно стирает голосовую интонацию, прокладывает борозды расчленений. Этот конфликт между силой интонации и четкостью артикуляции для Руссо главный. Он думает, что письмо и артикуляция — это болезни языка, но фактически показывает, что и то, и другое существует в языке изначально.

Это движение палочки...

Немой, бессловесный знак был проявлением свободы, а возникновение системы бесконечных отсылок и круговорота знаков есть выражение рабства — эта мысль у Руссо повторяется рефреном. Вот поэтический пример немого языка: когда девушка, не говоря ни слова, рисует тень возлюбленного, то на конце ее палочки возникает образ — одновременно и продолжение ее собственного тела, и почти наличие тела возлюбленного. Однако жест ограничен средой видимости и на большом расстоянии теряет свою действенность. И тогда он заменяется речью. Речь вызывает в нас особое чувство — подчас более острое, чем само наличие предмета (вид страдающего человека не так трогает нас, как его рассказ). Звук насильственно проникает в нас (от зримого можно отвернуться) и доходит до самых глубин души. Но как раз это насильственное внедрение голоса вовнутрь заставляет Руссо умерить похвалу страсти. И тогда возникает ностальгия по скромному обществу потребностей — обществу до общества и языку до языка. Немудрено, что в конце "Опыта" немое,

бессловесное общество трактуется так, что его трудно отличить от животных сообществ, а образ языка животных, в свою очередь, одушевляется мифом о языке, свободном от символа, нехватки, подмены, добавления, мифом о жизни, лишенной различия и артикуляции.

Запись первоначала

С артикуляции, членораздельности, начинается язык. Она устанавливает слово, но и угрожает ему — первоначальному слову как "почти пению". Чем язык рациональнее, тем менее он музыкален, чем лучше он обозначает потребности, тем хуже выражает страсти. Руссо хотел бы представить это как роковую случайность, но описывает ее как неизбежность. Ведь "голоса природы невнятные": это хриплые, нечленораздельные, гортанные звуки. Артикуляция отрывает язык от крика и нарастает с использованием согласных: иначе говоря, язык рождается в процессе собственного вырождения. Желание Руссо найти чистое и абсолютное первоначало неизменно: в сослагательном наклонении Руссо описывает мифическую стадию языка — когда он уже порвал с жестом, с животной потребностью, но еще не стал вырождаться в рассудочный механизм. Именно этот непрочный предел между "еще не" и "уже не" выступает как процесс одновременного рождения языка и общества. Однако, поскольку восполнительность это условие возможности чего бы то ни было в обществе, Руссо вынужден постоянно описывать, как бы вопреки своей воле, схему восполнения (отстранения и отсрочивания) этого первоначала. Не забудем, однако, что письмо есть лишь другое имя этой структуры восполнительности.

И Руссо не справляется с этой сложностью: он либо стремится подчинить механизм восполнительности единству желания, допускающего несовместимые вещи, либо пытается расчленивать противоречие на непротиворечивые подструктуры, полагая по одну сторону все членораздельное (язык, общество), а по другую - все слитное (интонация, жизнь, энергия). Однако и в слитном, и в разъятом виде структура восполнительности вновь заявляет о себе. Тем самым и вопрос об исторической принадлежности текста Руссо (включен ли он в метафизическую традицию или выходит из нее) обречен оставаться неразрешимым, хотя чаша весов явно кренится к метафизичности.

Невма

Итак, Руссо пытается нащупать пределы между криком и речью, между языком и доязыком, между природой и обществом. Один такой пример идеальной вокализации — язык младенцев, который понимают лишь кормилицы. Другой пример — "невма" как слитная речь без разбивки, нечленораздельное пение, обращенное к богу и не оставляющее следа. Сосредоточиваясь, насколько можно, на этих идеальных наличиях и "безъизъянных полнотах, Руссо не хочет видеть проблему в общем виде: для него членораздельность, артикулированность - это лишь местная особенность, тогда как в языке как таковом ей ничто не предшествует. И действительно, если считать первоначалом языков юг и страсть, то остается рассуждать лишь об упадке языков, а не о разнополюсности их формирования и функционирования.

Это простое движение перста

Если бы земля не начала в какой-то момент вращаться, золотой век варварства никогда бы не закончился, так как пастушеская жизнь вполне соответствовала природной лени. Бог, коснувшийся перстом оси земного шара, изменил лик земли, и это событие запустило в действие механизм восполнительности. В роли достраивающего, компенсаторного элемента на севере появились огонь и тепло, а на юге, напротив, прохлада источников. Все описание Руссо строится на том едва уловимом пределе, где общество уже образовалось, но еще не начало вырождаться, где язык уже возник, но пока еще остается чистым пением, общность между людьми уже имеет место, но соглашений и условностей пока еще нет, народ уже есть, но еще не настало время отчуждающего представительства. Руссо описывает не сформировавшееся общество, но некое "почти" общество, самый момент рождения, наличие как событие. Зарождаясь, общество тут же отсрочивается и откладывается, начало общественной жизни выступает как начало упадка, юг (абстрактное место начала) сдвигается к северу, вступают в действие знаки и письмо — а это лишь другое имя различАния, отстранения и отсрочки.

Глава четвертая. От восполнения к истоку: теория письма

Но почему все же Руссо не решился опубликовать свою теорию письма: стыдился своей некомпетентности или "пустяшности" самой проблемы, — впрочем, можно ли считать пустяком то, в чем видится опасность? Наверное, он пытался скрыть интерес к письму от самого себя. Ведь письмо — странное явление: восполнение здесь выступает как изъятие, природный механизм нарастания членораздельности "естественным образом" приводит к деградации языка — и Руссо не может это принять.

В XVIII веке было много споров о начале языка: что первично — прямое обозначение, которое потом уступает место метафоре, или наоборот метафора, которая потом упрощается до прямого обозначения? Кондильяк, которого Руссо очень ценил, усматривал начало языка в первометафоре, но считал, что ее порождает не поэтическое воображение, а нечеткость наших представлений. У Руссо концепция изначальной языковой образности строится на иных основаниях: когда человек в испуге называет другого человека, маячащего вдали, великаном, то это можно назвать "прямым" обозначением—только не предмета, а самой эмоции страха (наши чувства — в этом Руссо следует Декарту — никогда не обманывают нас).

История и система письмен

В главах IX и X "Опыта" показаны три типа общества, три языка и три письма : дикарское (главный персонаж — охотник, главный вид письма — пиктограмма), варварское (главный персонаж — пастух, главный вид письма — идео-фонограмма), гражданское (главный персонаж — землепашец, главный вид письма — алфавит). Впрочем, иногда эти соотношения сбиваются, так что, например, гражданское общество может иметь письмо варварского типа. Охотник рисует животных, а пастух уже записывает слова, но в любом

случае ложно было бы думать, что где-то и когда-то мы соприкасаемся с вещью непосредственно: уже в пиктографическом образе сама вещь отсутствует, а цепочка подмен и сдвигов уже пришла в действие (ведь недостаток восприятия побудил к действию внимание, недостаток внимания вызвал к жизни воображение, а воображение позволило построить образ).

Идеальное пространство геометрической объективности, по Гуссерлю (к этой теме, как мы видим, Деррида обращается многократно), возникает в определенный момент развития письменности. Ранее жизненное пространство сосредоточивалось вокруг собственного жилища, и следовательно, эти пространства были разнородны и несоизмеримы. Техника письма сформировала обобщенное социальное пространство. И соответственно, новая трансцендентальная эстетика должна была бы отныне опираться не только на идеальные объекты математики и вообще на уже сложившиеся объекты: она должна была бы искать свои объекты повсюду или строить их самостоятельно (Гуссерль справедливо упрекал Канта в том, что тот исходил из уже существующих объектов естественной науки и заведомо заданных познавательных способностей). Что же касается нашего пространства-времени, то это пространство-время следа.

Алфавит и абсолютное представление

Чтобы идеально представлять, образ должен был бы самостираться и становиться как бы самой вещью, однако этого никогда не происходит. Конечно, различные системы письмен постепенно наращивают возможности отчуждения (образа от вещи, графики от образа и пр.), достигающего наиболее высокого уровня в фонетическом письме. Чистая пиктография (изобразительность) и чистая фонография (формальная представленность) — это две идеи разума, пронизывающие всю метафизическую традицию.

Теорема и театр

Итак, вся история письма заключена между двумя полюсами всеобщности — пиктограммой и алгеброй, соотнесенными как естественное и искусственное. Но есть и такие виды письма, в которых умозрительная аналитика сочетается с наглядностью. Таково всеобщее письмо науки, или "теорема" (греч.: "акт рассмотрения"): на нее достаточно взглянуть, чтобы сделать вычисление. Напротив, театр (греч. "место смотрения", т. е. "теорема" и "театр" — однокоренные слова) не дает нам такой возможности прочитывания: актер выражает не свои мнения, а чужие, а кроме того, на сцене подчас вообще нечего видеть (привилегированные зрительские скамьи в театрах XVIII в. располагались прямо на сцене, так что зрители становились не только предметом изображения (в пьесе), но и зрелищем).

Руссо осуждает театр: он не похож ни на народный праздник, дающий выход эмоциям, ни на народное собрание, непосредственно выражающее общественную волю. Однако не только на сцене, но и вообще нигде невозможно уловить и сохранить наличие, которого все время ищет Руссо. Круговорот восполнительных замещений всегда-уже начался: смена времен года, север, зима, смерть, воображение, представление, желание - в этом ряду замен наличие отделяется от себя, расчленяется, замещается. Метафизика хотела бы все это уничтожить, отдать предпочтение сиюминутному, налично-настоящему, но встроенный в

человека механизм воображения возбуждает желание, вырывается за рамки налично-настоящего, которое дает трещину и впускает иное. Абсолютная уникальность и полнота наличия допустимы лишь во сне воображения.

Восполнение первоначала

Итак, Руссо не смог помыслить членораздельность как письмо до речи и внутри речи: он принадлежит к метафизике наличия и потому мечтает о простой внеположности смерти по отношению к жизни, зла — к добру, представления — к наличию, означающего — к означаемому, письма — к речи. Однако, мечтая о метафизической полноте, Руссо так или иначе описывал эту странную восполнительность — череду замен, расчленений, изъятий. А потому концепция Руссо свидетельствовала и о глубокой укорененности в своей эпохе, и о замечательной чуткости к "совершенно иному", запечатленной в его письме.

Версия #5

Зверобой создал 16 февраля 2026 22:46:47

Зверобой обновил 9 марта 2026 02:05:23